бушка! такъ и такъ, пришла ко мнѣ Середа и послала меня по воду холсты золить.—«Не хорошо это—говорить старуха—она тебя на томъ холстѣ либо удавить, либо сварить»; видно, знакома была съ ней старуха-то.—Что-жь, говорить, мнѣ дѣлать? Какъ отъ бѣды избыть?—«А ты вотъ что сдѣлай: возьми ведрами стучи да и кричи передъ избой-то: «на морѣ Серединскія дѣти погорѣли!» Она выскочитъ изъ избы, смотри ты нарочи вскочить прежде нее въ избу, дверь-то запри, да и закрести. Какъ она ни будетъ грозить, просить, не впускай, а крести и мѣломъ и руками, да твори молитву. Вотъ нечистая сила и отступится.»

Вотъ баба побѣжала домой, стучить въ ведра и кричить подъ окошкомъ: «на морѣ Серединскія дѣти погорѣли.» Середа выскочила изъ избы, побѣжала смотрѣть, а баба въ дверь; заперла и закрестила. Середа прибѣжала назадъ, начала кричать: «пусти, родимая! Я тебѣ холсты напяла, бѣлить буду.» Баба не послушалась, а Середа стучала дѣтѣхъ поръ, пока пѣтухи запѣли. Какъ пѣтухи запѣли, она завизжала и пропала; а холсты остались у бабы.

(Записана въ Орловской губерніи.)

107.

НОЧЬ НА ИВАНА КУПАЛУ. (*)

У одного барина былъ холопъ кабальный. Вотъ и вздумалъ этотъ холопъ на Ивана Купалу въ самую ночь сходить въ лѣсъ, сорвать папоротникъ, чтобы кладъ достать. Дождь оный этой ночи. Уложилъ оный барина спать; сникнулъ крестъ, не молясь Богу, въ одиннадцать часовъ ночи и пошелъ въ лѣсъ. Входитъ въ лѣсъ. Жутко ему пришло;

(*) Ночь на Ивана Купалу бываетъ съ 23 на 24 Юня.

См. Лѣтописи русской лит., томъ IV, отд. III, стр. 73—74.

Ср. Вѣстанкѣ Имп. Геогр. Общ., 1857, кн. IV, стр. 272—274.

раздался свистъ, шумъ, гамъ, хохотъ, онъ все ничего; хоть жутко, а идетъ. Только глядь, а чертъ съ ногами на индѣйскомъ пѣтухѣ верхомъ ѣдетъ. И это ничего, прошелъ холопъ и слова не сказалъ. Глядитъ: вдали растетъ цвѣтокъ, сіяетъ, какъ точно на стебелькѣ въ огнѣ уголекъ лежитъ. Обрадовался холопъ, бѣгомъ бѣжитъ, ужь почти къ цвѣтку подбѣжалъ, а черти его останавливаютъ, кто за полу дернетъ, кто дорогу загородитъ; кто подъ ноги подкатится—упадетъ холопъ. Не вытерпѣлъ онъ да какъ ругнетъ чертей. «Отойдите, говоритъ, вы отъ меня, проклятые!» Не успѣлъ онъ выговорить, вдругъ его назадъ отбросило.

Дѣлать нечего; поднялся опять холопъ, пошелъ, видитъ: опять на прежнемъ мѣстѣ блеститъ цвѣтокъ. Опять его останавливаютъ, опять дергаютъ, онъ и знать не хочетъ, идетъ себѣ, не оглянется; ни словечка не скажетъ, ни перекрестится; а сзади его такія-то строятъ чудеса, что страшно подумать. Холопъ и знать ничего не хочетъ, подошелъ къ цвѣтку, нагнулся, ухватилъ его за стебелокъ, рванулъ, глядь вмѣсто цвѣтка у черта рогъ оторвалъ, а цвѣтокъ все растетъ по прежнему и на прежнемъ мѣстѣ. Застоналъ чертъ на весь лѣсъ Не вытерпѣлъ холопъ, да какъ плюнетъ ему въ рожу. «Тфу, ты, чертова харя!»—Не успѣлъ проговорить, вдругъ его опять отбросило за лѣсъ. Убился больно, да дѣлать нечего.

Вотъ онъ опять всталъ, идетъ опять въ лѣсъ; и опять, по прежнему, блеститъ цвѣтокъ на прежнемъ мѣстѣ. Опять его останавливаютъ, дергаютъ; терпитъ холопъ, тихонько подползъ къ цвѣтку и сорвалъ его. Пустился со цвѣткомъ домой бѣжать и боль забылъ. Ужь на какія хитрости ни подымались черти, ничего, холопъ бѣжитъ и думать объ этомъ забылъ, разъ десять упалъ до дому.

Подходить домой; вдруг баринъ выходитъ изъ калитки, ругаетъ холопа на чемъ свѣтъ стоитъ. «Алешка! гдѣ ты, подлецъ, былъ? Какъ ты смѣлъ безъ спросу уйти?» Струсилъ холопъ: злой былъ баринъ у него да и вышелъ съ налкой. Повинился: «виновать, говорить, за цвѣткомъ ходилъ, кладъ достать.» Пуще прежняго баринъ озлился. «Я тебѣ, говоритъ, дамъ за цвѣткомъ ходить; я тебя ждалъ, ждалъ!... Подай мнѣ цвѣтокъ: кладъ найдемъ, вмѣстѣ раздѣлимъ.» Обрадовался холопъ, что баринъ хочетъ кладъ вмѣстѣ раздѣлить; подалъ ему цвѣтокъ, и вдругъ баринъ провалился сквозь землю, цвѣтка не стало и пѣтухи запѣли.

Остался одинъ холопъ, поглядѣлъ, поглядѣлъ кругомъ себя, заплакалъ бѣдняга и побрелъ домой. Приходить домой, глядитъ, а баринъ спитъ попрежнему. Потужилъ, потужилъ холопъ да такъ и остался не причемъ, лишь только съ побоями.

(Записана С. И. Бочарниковымъ въ г. Зарайскѣ.)

108.

ЛУНА И ЗВѢЗДА.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ былъ царь, и не было у него дѣтей. Вотъ они просили Бога, чтобъ далъ имъ на утѣшенье дѣтище. Черезъ нѣсколько времени стала государыня въ тягости: очень они обрадовались; и родилась у нихъ дочь; нарекли ей имя Луной. И такъ радъ былъ государь! Выписали придворныхъ всякихъ—учить ее... Черезъ нѣсколько времени стала опять государыня въ тягости; и такъ все рады были, что Богъ далъ ей такое дарованье. Родилась у нихъ еще дочь, и дали ей имя Звѣзда. И такія онѣ красавицы были, уму непостижимо!... Красоты неописанной. И такъ растутъ эти красавицы; все пріѣзжаютъ, дивуются на нихъ... Было имъ